

*С огромной любовью
и благодарностью к каждому,
кто читает эту книгу.*

Пролог

ХАРДИН

Я стою на замерзшем асфальте. Меня засыпает снегом, но я этого не чувствую. Я ощущаю лишь дыру в груди. Зед выезжает с парковки, а рядом с ним в машине сидит Тесса. При виде этого я в отчаянии падаю на колени.

Я не мог такого представить; даже в самом ужасном чертовом кошмаре я не мог подумать, что когда-либо почувствую такую боль. Боль потери, как ее называют. Я ни о ком и ни о чем не заботился, никогда не испытывал потребности в том, чтобы кто-то был рядом, чтобы был только моим, не хотел к кому-то так страстно привязываться. Паника — абсолютная и бесконечная чертова паника из-за того, что я потерял ее, — не входила в мои планы. Все должно было быть просто: переспать с ней, получить деньги и утереть нос Зеду. Вполне стандартно. Только все пошло не так. Вместо этого светловолосая девочка, которая носит длинные юбки и как одержимая составляет длинные списки дел, запала мне в самую душу, и я влюбился в нее так сильно, что сам не мог в это поверить. Я не осознавал, как сильно ее люблю, пока меня не стошнило в раковину, когда я показал своим гребаным друзьям доказательство потерянной девственности. Я ненавидел себя за это, ненавидел каждый миг того дня... но на этом я не остановился.

Я выиграл спор, но потерял то единственное, что делало меня счастливым. И вместе с ним я потерял те крохи доброты, которые она обнаружила во мне. Одежда намокает от снега; мне хочется винить отца за то, он передал мне

подобные наклонности; мне хочется винить мать за то, что она слишком долго оставалась с ним и родила такого идиота, как я; мне хочется винить Тессу за то, что она когда-то заговорила со мной. Черт возьми, мне хочется винить всех!

Но я не могу. *Я* сделал это. Я погубил ее и все, что у нас было.

Но я пойду на все что угодно, лишь бы исправить свои ошибки.

Куда она теперь отправится? Смогу ли я ее там найти?

Глава 1

ТЕССА

— Это длилось больше месяца! — всхлипываю я, когда Зед завершает объяснения, как они заключили пари.

Болит живот, и я закрываю глаза в надежде, что боль ослабнет.

— Знаю. Он все придумывал оправдания, просил дать ему больше времени и уменьшить сумму, которую он получил бы в случае выигрыша. Это было странно. Мы все думали, что он просто одержим мыслью о победе — типа хотел что-то нам доказать, — но теперь я все понимаю. — На секунду Зед замолкает, вглядывается в мое лицо. — Он только об этом и говорил. В тот день, когда я позвал тебя в кино, он сорвался. После того как он дал тебе задний ход, он чертовски разозлился на меня и велел мне держаться от тебя подальше. Но я просто перевел все в шутку, потому что думал, что он напился.

— Он... он рассказал тебе про ручей? И про... все остальное? — Задавая этот вопрос, я задерживаю дыхание и вижу в его глазах сочувствие. — О боже! — Я закрываю лицо руками.

— Он рассказал нам все... В смысле, совсем все... — тихо говорит он.

Я ничего не отвечаю и выключаю телефон, который не переставал вибрировать с того момента, как я вышла из кафе. Он не имеет права мне звонить.

— Где теперь твое общежитие? — спрашивает Зед, и я замечаю, что мы добрались до кампуса.

— Я живу не в общежитии. Мы с Хардином... — У меня едва получается закончить предложение. — Он уговорил меня переехать к нему всего неделю назад.

— Не может быть! — удивляется Зед.

— Может. Он настолько... Он просто... — Я запинаясь и не могу подобрать подходящие слова, чтобы описать, как он жесток.

— Я не знал, что все зашло так далеко. Я думал, как только мы увидим... ну, доказательство... то с ним все будет как обычно — каждую ночь новая девушка. Но потом он исчез. Он почти не подходил к нам, если не считать вечера, когда он появился на пристани и попытался уговорить меня и Джейса не рассказывать тебе. Он предложил Джейсу чертову кучу денег, чтобы тот держал рот на замке.

— Предложил денег? — переспрашиваю я.

Ниже Хардин опуститься уже не мог. С каждым новым отвратительным разоблачением пространство внутри грузовичка Зеда кажется мне все теснее.

— Ага. Джейс, конечно, обратил все в шутку и сказал Хардину, что будет помалкивать.

— Но ты не согласился? — спросила я, вспоминая сбитые костяшки пальцев Хардина и синяки на лице Зеда.

— Не совсем... Я сказал ему, что если он сам в ближайшее время тебе не признается, то это сделаю я. По-видимому, эта мысль не пришлась ему по вкусу. — Он показывает на свое лицо. — Если тебе от этого станет легче, то, я думаю, ты действительно важна для него.

— Нет. А если даже так, то это неважно. — Я опираюсь головой о стекло.

Друзья Хардина обсудили каждый поцелуй и каждое прикосновение; каждый миг, который мы провели вместе, он выставил напоказ. Мои самые интимные мгновения. Мои единственные интимные мгновения вовсе мне не принадлежали.

— Хочешь, поедem ко мне? Не то чтобы я назойливый или странный. Просто можешь поспать у меня на диване, пока... все не прояснится, — предлагает Зед.

— Нет. Нет, спасибо. Можно я только возьму твой телефон? Мне нужно позвонить Лэндону.

Зед кивает на телефон, лежащий на приборной панели, и на мгновение мою голову занимают мысли о том, что все

было бы по-другому, не сдай я Зеда Хардину тогда, после праздника. Я ни за что не повторила бы свою ошибку.

Лэндон берет трубку на втором гудке и, как я и предполагала, говорит, чтобы я приезжала. Правда, я не рассказала, в чем дело, он просто очень добрый. Я называю Зеду адрес Лэндона, и почти весь остаток пути он молчит.

— Он такое мне устроит, узнав, что я отвез тебя куда угодно, но только не к нему, — наконец произносит он.

— Я бы извинилась за то, что оказалась причиной вашего раздора... но вы, ребята, сами себя в это втянули, — честно отвечаю я.

Все-таки я немного сочувствую Зеду, потому что верю, что его намерения были добрыми — не то что у Хардина, — но мои раны так свежи, что прямо сейчас я не могу об этом думать.

— Я знаю. Если тебе что-нибудь понадобится, звони, — предлагает Зед.

Я согласно киваю и выбираюсь из машины.

Мое дыхание облачками горячего пара прорезает холодный воздух. Правда, холода я не чувствую. Я ничего не чувствую.

Лэндон — мой единственный друг, но он живет в доме отца Хардина. Забавно, ничего не скажешь.

— На улице жутко метет. — Лэндон торопливо впускает меня внутрь. — Где твоё пальто? — шутливо ругает он меня и вздрагивает, как только свет падает мне на лицо. — Что случилось? Что он натворил?

Я осматриваю комнату в надежде на то, что Кен и Карен где-то наверху.

— Что, так заметно? — Я вытираю глаза.

Лэндон обнимает меня, и я снова утираю слезы. У меня не остается никаких сил, ни физических, ни эмоциональных, чтобы рыдать. Это прошло, сейчас уже прошло.

Лэндон приносит стакан воды и говорит:

— Иди в свою комнату.

Получается улыбнуться, но как только я оказываюсь наверху, какой-то извращенный инстинкт заставляет меня идти к двери в комнату Хардина. Когда я это понимаю, боль подбирается так близко, что готова с новыми силами прорваться в сердце, так что быстро разворачиваюсь

и иду в комнату в другом конце коридора. Открываю дверь и вспоминаю, как бежала к Хардину ночью, когда услышала, как он кричит во сне, и эти воспоминания сжигают меня изнутри. Неуклюже сажусь на кровать в «своей комнате»; я не знаю, что делать дальше.

Через несколько минут приходит Лэндон и садится рядом со мной. Он пытается продемонстрировать обеспокоенность, но при этом ему, как обычно, не хватает вежливости.

— Хочешь об этом поговорить? — добродушно спрашивает он.

Я киваю. Хотя пересказывать всю эпопею еще больше, чем узнать о споре, от разговора с Лэндоном мне становится несколько легче; приятно знать, что хотя бы кто-то все это время не знал, как меня унижают.

Слушая меня, Лэндон замирает, будто статуя, так что я даже не могу понять, о чем он думает. Хочу понять, какого он теперь мнения о своем сводном брате. Обо мне. Но когда я заканчиваю рассказ, разъяренный Лэндон вскакивает.

— Поверить не могу! Что с ним, черт возьми, такое? Я только начал думать, что он стал почти... порядочным... и он вытворяет *такое*! Это просто кошмар! Поверить не могу, что он поступил так именно с тобой. Зачем ему губить единственное, что у него есть?

Лэндон замолкает, наклоня голову набок.

И тогда я тоже слышу быстрые шаги вверх по лестнице. Не просто шаги, а безумный топот тяжелых ботинок по деревянным ступенькам.

— Он здесь, — одновременно произносим мы оба, и на долю секунды я действительно задумываюсь, не спрятаться ли мне в шкаф.

Лэндон смотрит на меня очень серьезным, взрослым взглядом.

— Хочешь его увидеть?

Я отчаянно качаю головой из стороны в сторону, а Лэндон подходит к двери в момент, когда внутрь меня проникает голос Хардина:

— Тесса!

Как только Лэндон тянет руку к двери, Хардин врывается внутрь. Он останавливается посреди комнаты, и я встаю с кровати. Не привыкший к такому, ошеломленный Лэндон на мгновение просто столбенеет.

— Тесса, слава богу! Слава богу, ты здесь! — Он вздыхает и проводит рукой по волосам.

От одного его вида мою грудь разрывает боль, я отворачиваюсь и смотрю в стену.

— Тесса, детка. Ты должна выслушать меня. Прошу, просто...

Я молча подхожу к нему. В его глазах загорается надежда, и он протягивает ко мне руки, но когда я прохожу мимо, то чувствую, как эта надежда исчезает.

Вот и хорошо.

— Поговори со мной, — умоляет он.

Но я качаю головой и останавливаюсь рядом с Лэндоном.

— Нет, я никогда больше не буду с тобой говорить!

— Ты же не хочешь сказать, что... — Он подходит ближе.

— Отстань от меня! — кричу я, когда он хватается меня за руку.

Лэндон встает между нами и кладет руку на плечо своего брата.

— Хардин, тебе лучше уйти.

Стиснув зубы, тот смотрит то на меня, то на Лэндона.

— Лэндон, убирайся отсюда к чертовой матери, — предупреждает он.

Но Лэндон не сдается, а я знаю Хардина достаточно хорошо, чтобы понять: он обдумывает, какие у него есть варианты и стоит ли ударить Лэндона прямо здесь, у меня на виду.

Вероятно, решив не делать этого, он делает глубокий вдох.

— Прошу... оставь нас на минуту. — Он пытается держать себя в руках.

Лэндон смотрит на меня, видит мольбу в моих глазах и поворачивается к Хардину:

— Она не хочет разговаривать с тобой.

— Нечего тебе решать, чего она хочет! — кричит Хардин и ударяет кулаком в стену; в гипсокартоне остается вмятина, от которой ползет трещина.

Я отскакиваю назад и снова плачу. «Не сейчас, не сейчас», — мысленно повторяю я себе, пытаюсь контролировать эмоции.

— Уходи, Хардин! — кричит Лэндон, и тут в дверях появляются Кен и Карен.

О нет! Мне не стоило сюда приходиться.

— Какого черта здесь происходит?

Все молчат. Карен смотрит на меня с сочувствием, а Кен повторяет вопрос.

Хардин с яростью смотрит на отца.

— Я пытаюсь поговорить с Тессой, а Лэндон сует свой нос в чужие дела!

Кен смотрит на Лэндона, затем на меня.

— Что ты натворил, Хардин?

Его тон сменился с обеспокоенного на... сердитый? Не понимаю.

— Ничего! Твою мать! — Хардин трясет кулаками в воздухе.

— Он все испортил — вот что он натворил, и теперь Тессе некуда пойти, — вводит их в курс дела Лэндон.

Я хочу что-то сказать, но не имею понятия, что именно.

— Ей есть куда пойти, она может пойти домой. Туда, где ей место... со мной, — говорит Хардин.

— Все это время Тесса была для Хардина игрушкой — он ужасно с ней поступил! — выпаливает Лэндон, и Карен, открыв рот от удивления, подходит ближе ко мне.

Я будто сжимаюсь в комок. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой маленькой и беззащитной. Я не хотела, чтобы Кен и Карен узнали... Но это, наверное, не так уж важно, ведь теперь они точно не захотят меня больше видеть.

— Ты хочешь пойти с ним? — Кен прерывает мои грустные мысли.

В ответ я качаю головой.

— Ну, я тебя здесь не оставляю, — резко выдает Хардин.

Он подходит ко мне, и я отшатываюсь в сторону.

— Думаю, тебе лучше уйти, Хардин, — Кен удивляет меня своими словами.

— Что, прости? — Лицо Хардина приобретает тот темно-красный оттенок, который может означать только

гнев. — Тебе повезло, что я вообще прихожу в этот дом, — и ты посмеешь выставить меня за порог?

— Я рад тому, какие у нас с тобой отношения, сын, но сегодня тебе придется уйти.

Хардин трясет кулаками в воздухе.

— Какая чушь, да что она для тебя значит?

Кен поворачивается ко мне, затем снова смотрит на сына.

— Как бы ты с ней ни поступил, надеюсь, оно стоило того, чтобы потерять единственное, что было хорошего в твоей жизни, — говорит он, опустив взгляд.

Не знаю, подействовали ли на него шокирующие слова Кена или же гнев просто достиг своего пика и схлынул, но Хардин вдруг затихает, бросает на меня короткий взгляд и выходит из комнаты. Мы все молчим и прислушиваемся к его мерным шагам по лестнице.

Когда в наступившей тишине громко хлопает дверь, я поворачиваюсь к Кену и начинаю плакать.

— Простите меня. Я лучше пойду. Я не хотела, чтобы все так вышло.

— Нет, оставайся, сколько захочешь. Мы всегда тебе рады, — говорит Кен, и они с Карен оба меня обнимают.

— Я не хотела портить ваши отношения.

Из-за того, что Кену пришлось выставить из дома собственного сына, я чувствую себя ужасно.

Карен берет меня за руку и пожимает ее. Кен кажется усталым и раздраженным.

— Тесса, я люблю Хардина, но, думаю, мы оба понимаем: без тебя портить было бы нечего, — говорит он.

Глава 2

ТЕССА

Я торчу в ванной так долго, как только могу. Струи воды окутывают тело. Я хотела, чтобы она очистила меня, взбодрила, но горячий душ не помог мне расслабиться, как бы я на это ни надеялась. Не представляю, сможет ли что-то усмирить эту боль внутри меня. Она кажется бесконеч-